

УДК 328.18

**СОБЛЮДЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ В ПУБЛИЧНОЙ
И КУЛУАРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ**

© 2010 г.

Г.Г. Авдонина

Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации

avdonina@list.ru

Поступила в редакцию 22.12.2010

Предлагается сравнительный анализ публичной и кулуарной политической речи. На материале выступлений политиков в Государственной думе ФС РФ оценивается проявление этических категорий истины и лжи в современном политическом дискурсе. Стенограммы парламентских заседаний показывают, что политические тезисы, освещаемые СМИ и ориентированные на широкую аудиторию, существенно отличаются от внутрипарламентских дебатов. Особое внимание уделено последствиям лукавства в политической речи депутатов и представителей правительства и его влиянию на эффективность управленческих решений.

Ключевые слова: политическая речь, публичная и кулуарная речь, дискурс, политическая этика, категории истины и лжи, парламент.

Политическая сфера жизни – сфера гуманитарная, где важное место занимает идея человека как существа, наделенного способностями мыслить и говорить, именно сила ума и дар слова отличают человека от животного. Однако подобно человеческой природе, соединяющей антонимические божественное и дьявольское начала, Слово может быть осиянно божественным светом и может быть исполнено смертоносным ядом.

Рассмотрим проблему таких ценностных ориентаций в обществе, как правда и ложь, столь актуальных для политического дискурса, обсудим антиномию истины и лжи, идущих от «языка».

Несмотря на то что ложь является основополагающей категорией философии, этики, политики, экономики и остальных областей деятельности человеческого бытия, политические деятели избегают говорить об институте лжи, придумывая эквиваленты – «лукавство», «интеллектуальная недобросовестность» и т.п. Лукавство как этическая категория заключается в трудности различения, размытости границ добра и зла. В политике всегда будет существовать соблазн сиюминутного успеха, жизни «на мгновение», которая дается лукавством. Отдавая отчет в негативных последствиях лживых поступков, люди, тем не менее, сознательно идут на обман, так как ложь позволяет, как кажется лгущему, во многих случаях достигнуть цели с минимальными временными, моральными и энергетическими издержками. В то же время история показывает, что этические уравнения

действуют и в конечном итоге торжествует правда либо возмездие.

Существование медийной и повседневной политической практики подразумевает разделение речи политиков на публичную и кулуарную. Несмотря на то что законы политической коммуникации распространяются как на выступления политических деятелей перед электоратом, так и на внутриполитические дебаты, иллюкуция публичной и кулуарной речей существенно различаются. В повседневной практике для политика на первое место выходит информация и стратегическая рациональность, а в медийной – интерпретация информации и «символическая мистификация». То есть цель общения политиков между собой – борьба за власть, в своих же выступлениях перед избирателями они чаще всего стремятся ввести в заблуждение относительно этой борьбы. Осуществим сравнительный анализ политических тезисов в зависимости от того, на какую аудиторию рассчитывал говорящий.

Мы совершенно точно можем отличить дискурс разгоревшейся вокруг громкого законопроекта речи, если она произносится в зале пленарных заседаний и если она звучит на улице, перед митингующими гражданами. Какими критериями мы при этом руководствуемся?

Работая на публику, всякий политик готовит свою речь как реакцию на уже высказанное. В его профессиональные качества входит подчинить чужую интерпретацию своей, а потом – превратить ее в интерпретацию для всех. И в этом главное отличие речи, предназначенной

для медийной политической практики, – все понятия в ней значительно упрощены, адаптированы для большого количества реципиентов. Именно в этом кроется большая опасность: упрощая для обывателя свою речь, политики переходят на «низкий стиль», что имеет разрушительный характер для языковой культуры в целом. Страшно то, что, пытаясь преодолеть разрыв между стилистически официальной речью (какой она должна быть, как нам думается, на пленарных заседаниях, например, в Госдуме) и речью на митинге, наши депутаты предпочитают в парламент переносить непарламентские выражения, а не стараться «облагородить» речь, рассчитанную на широкую аудиторию. Причем эта тенденция коснулась всех: и коммунистов, и единороссов. Интересно в этом отношении пронаблюдать дебаты об отмене праздника 7 Ноября. Товарищ Г.А. Зюганов восклицает: «Давайте на историю смотреть как есть. Если не знаешь ее, *не лезь туда* – история отомстит. Вечером по телевидению то «Штрафбат» (*это порнография, это не фильм!*), то «Московская сага», теперь «Дети Арбата». Даже если хорошей таблеткой кормить не в меру, то обязательно *подохнем!*» Не менее доступна «низам общества» и речь представителя партии власти – господина В.В. Гребенникова: «Да, мы несколько лет назад решили назвать это Днем согласия и примирения. Получилось согласие? Нет. Получилось примирение? Извините, пожалуйста, *фигушки у нас получились...*».

Кроме упрощенности, иногда до неприличия, в речи на публику бросается в глаза то, что из уст оратора мы чаще всего слышим рассуждения о прошлом (от него гораздо проще отказаться) и о будущем (его легче превратить в свой, нужный мир). Темпоральный фактор определяет разные речевые стратегии у речи публичной и речи кулуарной: в первой – ориентация на будущее и рефлексия прошлого, во второй – тематизация актуального (текущего) момента (а «золотая середина», наверное, в том, чтобы создать цепочку «прошлое – настоящее – будущее»).

Настоящее интерпретировать сложнее. Здесь требуется рациональный подход, когда идет опора на факты, доказательства, а не на эмоции слушателей. Мы уже останавливались на вопросе отмены 7 Ноября как общенационального праздника, так вот этот пример очень ярко отражает, как при обсуждении даже исторической темы можно говорить о прошлом в настоящем времени, следуя логике, а не эмоциям, и как можно скатиться к совершенно нерациональным доводам, игнори-

руя современную ситуацию и потеряв в цепочке времен настоящее.

Сравним речь в защиту нового законопроекта и речь-протест: «В новой России этот день, который, конечно, был ключевым в советский период развития, в прошлом веке, никак, по нашему мнению, не может считаться общенациональным праздником. Сейчас мы живем уже в другой стране, гораздо больше знаем и понимаем, как происходила Октябрьская революция, к чему она привела, а главное, мы теперь можем по-другому оценить эту дату и оцениваем ее по-другому». – «Чтобы вы ни делали, Великий Октябрь останется Великим, поэтому я еще раз обращаюсь к каждому разумному человеку: не делайте глупость! Обращаюсь к русским людям: вам сейчас русскую историю заново переписывают. Ну какое отношение имеет 4 ноября к победному шествию войска Минина и Пожарского?! Взяли Китай-город, потом еще несколько дней освобождали, освободили реально 7–8-го. Два польских полка, которых, собственно, само предавшее боярство затащило...».

Внимательно слушая ораторов, мы начинаем понимать, что даже речь, звучащая в так называемых «кулуарах», в стенах парламента, может быть лукавой. И делить речь на публичную и кулуарную (читай – «с хитринкой» и «искренне правдивую») следует не только в зависимости от места ее произнесения, но и от того, на какую аудиторию она рассчитана. Когда оратор, общаясь к депутатам в зале пленарных заседаний, взывает «к русским людям», очевидно, что говорит он для повышения своего рейтинга среди электората, памятуя, что речь его может транслироваться в СМИ. От конструктивного диалога такие речи куда как далеки.

В кулуарной речи мы наблюдаем явное преобладание высказываний индивидуального характера с местоимением «я» над высказываниями коллективного характера. В публичной речи обратная ситуация, потому что, как уже отмечалось, на публике политик вынужден приспособить свою, личную и эмоциональную, интерпретацию к общей, в результате даже индивидуальная позиция оратора не всегда является искренней. Так, депутат А.Е. Хинштейн, выступая по вопросу о новой системе выборов на заседании группы, озвучивал исключительно свою личную позицию: «У меня конкретное предложение есть. ...Я хочу сказать следующее... Я предлагаю сделать... Так вот, я предлагаю следующее. Очевидно, что законопроект, несмотря на все его минусы и огрехи, о которых сегодня было сказано достаточно много, наверняка, пройдет. И это тот факт, с которым мы

должны смириться. Поэтому у меня есть конкретное предложение. Вот те поправки или те вещи, которые нас сегодня не устраивают, оформить в качестве поправок. И после того как в первом чтении закон будет принят, внести. Тогда у нас, по крайней мере у меня лично, есть полное моральное право не голосовать за закон во втором чтении, в случае если те поправки, над которыми мы работаем, не будут учтены».

В зале пленарных заседаний, куда разрешен доступ прессе, даже в вопросе докладчику на ту же тему в речи депутата звучали совсем иные местоимения: «Нам думается, по крайней мере значительной части внутрифракционной группы Морозова, что исходить нужно не от числа субъектов Федерации, поскольку оно варьируется, и мы сегодня видим процедуру упразднения субъектов, а от количества избирателей, проживающих на территории того или иного региона, и тогда те проблемы, которые возникают с процентным соотношением при подсчете голосов, сами собой снимутся».

Существуют два основных способа передачи информации – логический и эмоциональный. При этом логические убеждения опираются на разумные доводы, а эмоциональные убеждения воздействуют на систему личностных ценностей слушателя. Отметим, что в публичной речи политик ориентируется на восприятие реципиентом сообщения на эмоциональном уровне, где информация почти не подвергается критическому анализу. А во внутренней политической практике, в дебатах друг с другом информаторы используют усложненную аргументацию, избыточную рациональными доводами (хотя не всегда с целью представить объективный взгляд на предмет, так как и в кулуарах при формировании образа они стремятся прослыть индивидуальностью с собственной, часто субъективной, позицией). В таких прениях каждое слово ловится оппонентами для того, чтобы найти уязвимое место в предлагаемой инициативе. Поэтому кулуарная речь – более точная, выверенная (ведь адресаты, как правило, специалисты высокого уровня), терминологически более грамотно оформленная, но менее узорная на уровне синтаксиса, интонационно произносится без пафоса и громких восклицаний. Даже, казалось бы, такой громкий и социально острый вопрос о монетизации льгот председатель комитета ГД по труду и социальной политике А.К. Исаев докладывал депутатам и членам правительства, строго соблюдая рамки официально-делового стиля речи: «1 января 2005 года вступил в силу федеральный закон № 122-ФЗ. Напомню, что закон принимался для того, что-

бы привести систему социальной защиты граждан в соответствие с рыночной экономикой, сделать ее более эффективной и менее коррупционной, более открытой, для того чтобы защитить социальные права людей. Закон предполагал, что те, кто имел льготы только на бумаге, но нуждался в реальной поддержке государства, получат наконец денежные выплаты, которые они могли бы использовать по своему усмотрению, а те, кто имел натуральные льготы, получат возможность либо продлить их, купив соответствующие услуги за деньги, либо сохранить у себя денежные выплаты... И сегодня можно сказать: да, 122-й закон находится в поле критики, это сложный закон, который принимался во многом в спорах и компромиссах, и, возможно, какие-то положения нам надо будет еще раз внимательно рассмотреть. Но акции протеста проводятся не в связи с 122-м законом и не в связи с его положениями, а в связи с тем, как эти положения реализуются на практике».

Цель речи из приведенного примера очевидна – напомнить задачи, поставленные перед разработчиками закона, указать на его недостатки при воплощении на практике. Из доклада становится ясно, каковы будут пути нормализации обстановки общественного недовольства. Перед нами пример кулуарной речи, рассчитанной не на митингующих, недовольных 122-м законом и вышедших на дороги (очевидно, что такими словами их не успокоишь), это речь для членов правительства, для законодателей. То есть если говорить о целеполагании, то в кулуарной речи цель выражается прямо, а не косвенно, поэтому формулы обращения к аудитории будут акцентировать внимание реципиентов на данной цели. В публичной речи формул акцентирования будет значительно меньше. Здесь будут звучать красочные метафоры и эпитеты: «...Я не знаю, как наш президент Путин оценит вашу работу и работу правительства по принятию этого бессовестного закона: может быть, орденом, а может быть, отставкой, но народ уже оценил. Он просто проклял вас, а заодно и нас вместе с вами».

В идеале публичная речь должна ориентироваться на конкретных адресатов – граждан с их интересами и проблемами. А политические требования общества должны находить адекватное отражение в выступлениях, звучащих в стенах парламента. При этом важно не дать политической речи скатиться к примитивной пропаганде. Эмоциональные средства должны лишь подчеркивать и дополнять аргументативную стратегию, именно такой принцип лежит в основе традиций классических ораторов античности.

В пропаганде же рационально-интеллектуальный фактор вытесняется эмоционально-ритуальными приемами, в результате чего мы воспринимаем не аргументы, а только образ оратора. Истинный политик должен убеждать людей, а не «вести» их за собой. Сравним два высказывания по поводу закона о монетизации льгот:

«Уважаемые коллеги, мы считаем, что в сложившейся ситуации и федеральные, и региональные власти должны как можно скорее решить те проблемы и устранить те неудобства, с которыми столкнулись наши граждане, и в первую очередь пожилые люди, в связи с реализацией этого сложного закона, учитывать уроки января 2005 года при принятии других законодательных актов и особенно их реализации и обеспечить в полной мере реализацию принципов социальной справедливости, заложенных в 122-м законе. Необходимые ресурсы, с нашей точки зрения, для этого есть».

«Я считаю, что если вы не готовы на этот шаг – отправить правительство в отставку, всем ветвям власти вместе обсудить этот вопрос, – то мы будем настаивать на более организованных массовых выступлениях трудящихся, чтобы сформировать правительство национальных интересов, а не такое правительство, которое организовало геноцид, когда страна теряет по миллиону граждан в год. Вы сейчас боитесь встреч с людьми, и только через телевизор и радио с ними общаетесь. Сходите: сейчас в сорока трех регионах одновременно идут акции и будут в ближайшее время идти, посмотрите людям в глаза, тогда будете иначе нажимать на кнопки».

Мы видим, как во втором случае убеждающая речь легко превращается в пропаганду. Это, к сожалению, нередкое явление не только при тоталитарном государственном строе, но и в искаженных демократических системах, когда власть становится зависимой от одобрения избирателей. Если в кулуарной речи политическими соратниками оратора, да и соперниками тоже, главное внимание обращается на выдвигаемую им идею, то в публичном высказывании на первое место выходит форма речи, и языковая «оболочка» делает тезисы выступления (а значит, самого политика) очень уязвимыми. Возникает соблазн обмана. А политическая ложь наиболее труднопреодолима.

Здесь мы опять возвращаемся к вопросу интерпретации как ключевому в политической коммуникации. В «серьезной» политике не должно быть заискивания перед обществом, а значит, заведомо ложного истолкования происходящих событий. Например, при обсуждении

закона «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Украиной о российско-украинской государственной границе» в выступлениях политиков, адресованных широкой публике, мы слышали, что «договор будет способствовать более интенсивному развитию отношений между Россией и Украиной». Тогда как в кулуарных беседах большинство сходилось во мнении, что с принятием данного законопроекта мы проигрываем по многим статьям и причина этого в политической слабости России. Из уст политиков звучало: «Станем сильнее – соседние государства сами к нам потянутся, а пока... сдаем границы».

Основная причина таких резких различий между публичной и кулуарной речью, с негативной точки зрения на этот вопрос, в глубоком распаде контактов между властью и обществом. Следовательно, и решение проблемы недоверия среди граждан к политикам надо искать, в том числе, в филологической плоскости. Если на уровне политической риторики произойдут коренные изменения в сторону увеличения открытости, искренней заинтересованности представителей власти в информированности граждан, то это станет большим шагом в формировании новой политической культуры общества, базирующейся на фундаменте демократических ценностей.

Итак, мы попытались проанализировать ситуацию сознательной корректировки политиками их публичных и кулуарных речей, выявляя ее последствия и приходя к выводу об их негативном характере. Если помимо этого учесть и тот факт, что в современной общественной жизни имеется масса объективных причин к расширению пропасти между не владеющей языком властью и народом, то заведомая неискренность как одна из черт культуры речи политика приобретает масштабы катастрофы. Исчезновение категорий истинности и правдивости из политической риторики может привести к потере языка, а потом и к потере личности, ее растворению в «молчаливом большинстве».

К сожалению, на уровне принятия управленческих решений в органах представительной власти до сих пор не учтены ошибки так называемой «риторики съездов», имевшей двойного адресата. Номенклатуре чиновников давались одни инструкции, а перед народом отчитывались иногда в прямо противоположном. Последствия такого управления на уровне государства уже вылились в кризис власти, приведший к смене политического режима в стране. Однако раздражение людей, которые рано или поздно перестают адекватно реагировать на ус-

тановки, что «уровень жизни в стране повышается, а экономический рост заметен невооруженным взглядом», будет только расти. Пути его преодоления нужно искать, в том числе, и в построении коммуникативной модели на основе нравственной категории правды.

**OBSERVANCE OF THE ETHICAL STANDARDS IN PUBLIC
AND UNOFFICIAL POLITICAL SPEECH**

G.G. Avdonina

The author offers a comparative analysis of public and unofficial political speech. Some speeches of the politicians in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation are evaluated in terms of manifestation of ethical categories of truth and lie in modern political discourse. Transcripts of parliamentary sessions show that the political theses covered by the media and targeted at a wider audience greatly differ from internal parliamentary debates. Special attention is paid to the consequences of the slyness in political speeches of the deputies and representatives of the Government and their influence on the efficiency of the administrative decisions.

Keywords: political speech, public and unofficial speech, discourse, political ethics, categories of truth and lie, parliament.